

С $\frac{14}{577}$

801-15
2959

801-88
55099

ОРЕ
11/11

ЗНАЧЕНІЕ СОБАКИ

ВЪ МИФОЛОГИЧЕСКИХЪ ВЪРОВАНИЯХЪ.

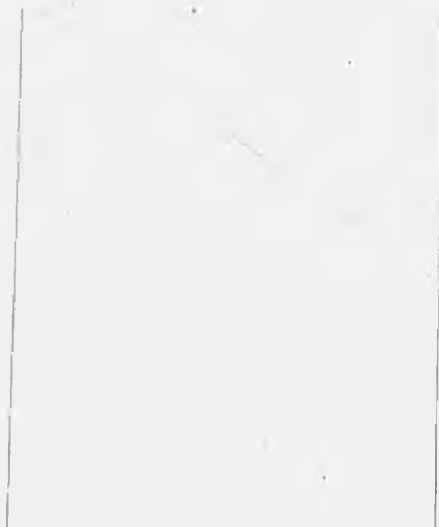
Д. Чл. Р. Р. Миллера.

1873
1877

МОСКВА.
Въ Синодальной Типографіи.
1876.

3406
B

Дозволено Цензурою. Москва, Августа 21 дни 1876 года.

мос

ЗНАЧЕНІЕ СОБАКИ

ВЪ МИФОЛОГИЧЕСКИХЪ ВЪРОВАНІЯХЪ.

Исторія человечества слѣдитъ съ особеннымъ интересомъ за важными открытіями и изобретеніями, которыми опредѣляется быстрый прогрессъ культуры. Длинный рядъ такихъ открытій отдѣляетъ современную цивилизацію отъ древней. Прежніе историки начинали этотъ рядъ отъ періода, который принято называть патріархальнымъ, — періода, который изображаютъ священныя книги Евреевъ, гимны Ведъ у Индусовъ, мифологическія преданія различныхъ культурныхъ народовъ земнаго шара. Но успѣхи изученія старины въ XIX-мъ вѣкѣ значительно расширили кругозоръ историковъ. Мало по малу сложилось убѣжденіе, что и тотъ періодъ, который прежде считали первобытнымъ, предполагаетъ длинный рядъ предшествовавшихъ ступеней развитія, — и эти ступени уже отчасти намѣчены современной наукой. Прежніе историки, обозрѣвши пройденную цивилизаціей дорогу, замѣтили на ней только ближайшіе верстовые столбы: телеграфъ, паровозъ, траекцій станокъ, книгопечатню, порохъ и т. д. Современный историкъ, вооруженный новыми средствами науки, можетъ мысленно пройти далѣе назадъ пройденный путь. Минуя ближайшіе столбы, онъ читаетъ надписи на самыхъ отдаленныхъ, и эти надписи открываютъ ему яркую картину жизни предшествовавшихъ тысячелѣтій. Съ чувствомъ содроганія отвернувшись отъ этой картины дряхлаго человечества: вмѣсто золотого вѣка, вѣка невинности и простоты, вмѣсто патріарха, окруженнаго любящей семьей, проводящаго дни свои въ занятіяхъ земледѣліемъ и скотоводствомъ, и украшающаго свой досугъ цовзвѣй и созерцаніемъ природы, словомъ, вмѣсто идиллической обстановки, которою представлялась романтику жизнь перво-

битаго челоуѣка, — онъ нахелъ бы въ первобытпомъ челоуѣкѣ голоднаго дикаря, каннибала, въ постоянной борьбѣ съ своими ближними, вѣчно преслѣдующаго или преслѣдуемаго. Нѣтъ у него опредѣленнаго жилища, нѣтъ семьи, нѣтъ одежды, чтобъ защищаться отъ холода, нѣтъ огня, чтобъ варить пищу, нѣтъ домашнихъ животныхъ, котормя обезпечивали бы его существованіе на завтрашій день, нѣтъ даже собаки, вѣрнаго помощника на охотѣ. Нравственный міръ его еще ужаснѣе: со всѣхъ сторонъ окружають его враги — дикіе звѣри и еще болѣе опасный — челоуѣкъ. Для него не существуютъ красоты природы: онъ вѣчно на сторожѣ, за каждымъ деревомъ чувствуетъ скрытаго врага и, жадно высматривая себѣ добычу, постоянно страдаетъ самъ стать добычей звѣра или своего ближняго.

Но не отвернется отъ такой картины не романтикъ. На нныя мысли наведетъ его она. Онъ будетъ съ любопытствомъ слѣдить за дикимъ представителемъ своей породы, войдетъ мысленно въ его интересы, будетъ слѣдить за всѣми перипетіями его борьбы за существованіе — и вынесетъ много поучительнаго для себя. Онъ увидитъ, какъ побѣдоносно выходитъ челоуѣкъ изъ этой борьбы съ природой одушевленной и неодушевленной, увидитъ, какъ мало по малу очищается его душевный и умственный горизонтъ, увидитъ, какъ челоуѣкъ приобщаетъ силы природы себѣ на пользу, какъ облегчаетъ себѣ жизнь, изобрѣтаетъ огонь, устрояетъ жилище, приручаетъ животныхъ, откладываетъ запасы пищи, вступаетъ въ союзъ съ другими людьми, отличая между ними друзей отъ враговъ, увидитъ какъ мало по малу складывается семья, родъ, община, національность; увидитъ длинный рядъ успѣховъ, открытій, изобрѣтеній — и проникнется глубокимъ уваженіемъ къ физической выносливости и силѣ духа челоуѣческаго рода.

Однимъ изъ раннихъ шаговъ постепеннаго движенія культуры было прирученіе нѣкоторыхъ животныхъ. Мы такъ сжились съ мыслью, что домашнія животныя составляютъ необходимую принадлежность культуры, что съ трудомъ представляемъ себѣ время, когда терестныя домашнія животныя еще не носили ярма, наложеннаго на нихъ челоуѣкомъ, съ трудомъ постигаемъ всю важность первыхъ успѣховъ прирученія. Между тѣмъ послѣдованія челоуѣческаго быта въ пещерахъ земли и въ пещерахъ и наблюденія надъ жизнью современныхъ дикарей доказали, что нѣкогда люди не знали ни одного домашнего животнаго. По свидѣтельству европейскіхъ путешественниковъ, у дикарей Андманскихъ острововъ нѣтъ никакихъ ручныхъ животныхъ, даже собакъ *).

*) Lubbock. Prehistoric Times, 3-d edit. p. 438.

пашли европейцы у дикарей Парагвая *). У другихъ дикихъ народовъ число домашнихъ животныхъ ограничивается одною собакою, которая, по общему мнѣнію историковъ культуры, была первымъ домашнимъ животнымъ и у культурныхъ народовъ **). Объ этомъ свидѣтельствуеъ и доисторическая археологія и, какъ увидимъ ниже, языкъ. Собака стала первымъ товарищемъ человѣка на охотѣ, собака охраняла его спокойствіе, наконецъ, собака служила ему даже пищей. Собака—единственное ручное животное у дикарей Огненной земли ***). Австралийцы до сихъ поръ ѣдятъ собакъ ****); дикіе Маори держатъ собакъ исключительно для ѣды *****); жители Таити, по свидѣтельству Кука, откармливали ее на убой *****). Если мы вдумаемся въ эти и подобные факты, то поймемъ, какое значеніе имѣла собака для древняго человѣка, и насъ не удивитъ тотъ фактъ, что человѣкъ отнесъ собакѣ важное мѣсто въ кругу своихъ мифическихъ предшественнй. Переносъ всю нехитрую обстановку своей жизни въ мифологію, человѣкъ не могъ не помѣстить туда и собаки, своего вѣрнаго помощника и сторожа. Мы остановимся на нѣкоторыхъ народныхъ вѣрованіяхъ, въ которыхъ играетъ роль собака.—остановимся на двухъ-трехъ чертахъ, потому что подробное изложенеіе роли собаки въ мифологіи могло бы наполнить цѣлый томъ.

Прежде всего, скажемъ нѣсколько словъ о славянскомъ названіи собаки, потому что въ немъ мы находимъ лингвистическое подтвержденіе мысли, что собака была первымъ домашнимъ животнымъ. Въ первоначальномъ индоевропейскомъ языкѣ было одно названіе, отъ-чавшее ручныхъ животныхъ отъ дикихъ, именно *ракс*, отъ глагольнаго корня *rak*—связывать, уврощать (откуда санскритск. *раци*—связь, оковы, лат. *рах*—миръ, т. е. союзъ, связь и др.). Въ санскритск. *раци* значить скоть, въ Zendск. также *раци*, въ латинскомъ и литовскомъ съ первоначальнымъ звукомъ *k*—*рес* и *pekus*, гот. *faihu*, англосакс. *foh*, др. верхне-нѣмец. *fiu*, новонѣмецк. *Vieh*. Обращаясь къ славянскимъ нарѣчіямъ, мы, къ удивленію, не находимъ этого общаго слова со значеніемъ скота, но со значеніемъ собаки: цсл. *псъ*, сербское *пас*, чешск. *pes*, польск. *pies*, наше *пѣсь*. Этотъ фактъ археологія языка такъ же крикливо кричитъ, какъ много факты доисторической археологіи. Собака у славянъ названа тѣмъ именемъ,

*) Lubbock, о. с. p. 530.

**) François Lenormant. Les Premières civilisations. I. p. 343.

***) Lubbock, о. с. p. 241.

****) Lubbock, о. с. 439.

*****) Lubbock, о. с. p. 462.

*****) Lubbock, о. с. p. 478.

которымъ другіе народы обозначали домашнее животное, скоть вообще. Собака названа такъ, какъ скоть по преимуществу, первый скотьъ человека. Впрочемъ Славяне въ этомъ отношеніи не стоятъ особнякомъ отъ другихъ народовъ. У Индусовъ слово *ра си* имѣетъ болѣе широкое значеніе нежели нашъ *скоть*, и обозначало также собаку, — напримеръ, въ одномъ эпизодѣ Магабхараты *). Другое русско-польское названіе, неупотребительное у прочихъ Славянъ — *собака* — стоять въ тѣсной связи съ наиболѣе распространеннымъ у всѣхъ индоевропейскихъ народовъ. Это — санскритское *сва* (персич. *кван*), родит. пад. *сванъ*, бенгальск. *сва*, мараттское *сва* *па*, зендск. *сра* (имен. *сра*, род. *сран*), ново-персид. *israh*, *isbah*, афганск. *сра*, *сри*, армянск. *схопп*, греч. *хѣм*, *хем* (ср. санскр. *сванъ*), лат. *савіс* (изъ *сваніс*), типон. *сзѣ*, род. *сзунѣс*, литовск. *супс*, гол. *хун-дс*, скандинав. *хундр*, и т. д. и т. д. **). Съ этими-то словами находится въ связи и наше *собака*, и филологія можетъ весьма близко опредѣлить эту связь. Собака — слово не славянское, а заимствованное. Съ этимъ согласны всѣ лингвисты, придающіе значеніе звуковымъ законамъ. Русскіе Славяне заимствовали его съ востока у какого-то народа, говорившаго эранскимъ нарѣчіемъ. Доказательствомъ этому служитъ звуковой видъ нашего слова. Одно изъ существенныхъ свойствъ эранской фонетики состоитъ въ томъ, что она не допускаетъ группы *св* и звукъ *v* обращаетъ въ губной *p*, напр. санскр. *асва* — лошадь (лат. *equus*) — зенд. *асра*, санскр. *сва* (собака) — зенд. *сра*, санскр. *сванта* (паше *сдѣтъ*) — зенд. *срента* и т. д. Славяне не знали этого закона, и потому изъ *сва* (перв. *ква*) не могли сдѣлать *собака*. Что у эранскаго народа, у котораго заимствовали русскіе Славяне названіе *собака*, это имя могло звучать очень сходно съ нынешнимъ русскимъ, видимъ мы изъ свидѣтельства Геродота. Въ 110-й главѣ первой книги, упоминая о кормилицѣ Кира *Кочѣ*, онъ говоритъ, что это названіе греческой переводъ медійскаго *Стяхъ* и прибавляетъ: ибо собаку (суку) называютъ Медійцы *стяхъ* ***). Въ эранскомъ происхожденіи Медійцевъ не сомнѣваются современные историки. Такимъ образомъ, нужно думать, что наиболѣе восточные изъ Славянъ заимствовали названіе *собака* у какого-то эранскаго народа, у котораго это имя звучало, ибродячо, *спака*, и, какъ слово заимствованное, оно не пошло далѣе на востокъ и не вытѣснило общеславянскаго *пса*. Съ своей стороны мы убѣждены, что слово *собака* перешло къ Сла-

*) Lassen-Anthologia Sanscritica, p. 44, ed. Gildemeister.

**) См. A. Pictet, Les Origines Indoeuropéennes, I, 375. Justi. Handbuch der Zendsprache v. Carlinus-Grundzüge v. v. Kuhn etc.

***) Грѣ γερ κων κοιλισι σπαιη Μελισ.

вянаемъ отъ Скисопъ, въ которыхъ присутствіе зрѣнскаго элемента мы считаемъ доказаннымъ.

Послѣ этихъ предварительныхъ замѣчаній, обращаемся къ значенію собаки у древнихъ народовъ Востока. Едва ли какой нибудь народъ былъ проникнутъ такимъ уваженіемъ къ собакамъ, какъ древніе Эранцы. Священная книга ихъ, Зендавеста, содержитъ много замѣчательныхъ предписаній о томъ, какъ праведный поклонникъ Агурамаады (Ормузда) долженъ относиться къ этому животному. Въ 13-мъ фарагдѣ Вендиада богъ Агурамаада говоритъ Заратустрѣ, своему пророку, слѣдующія слова: «Собаку создалъ я, о Заратустра! съ ея собственной одеждой, съ ея собственной обувью, съ сильными обоняніемъ, съ острыми зубами, приваивающую къ человѣку (vīōdōraonāy-hem) *) для защиты загоновъ (106—108)... Когда она здорова, когда она находится въ загонахъ (скоти), когда она бодрствуетъ голосомъ (т. е. лаетъ),—тогда не подходитъ къ вѣси ни воръ, ни волкъ, и не уноситъ лѣвъ весей незамѣтно (имущество)» (111—113).

Если самъ богъ Агурамаада создалъ собаку для пользы человѣка и самъ объявилъ это пророку Заратустрѣ, то понятно предписаніе религіи о заботливости относительно нея. Въ томъ же фарагдѣ находимъ цѣлый рядъ постановленій, въ которыхъ религія Агурамаады беретъ подъ свою защиту это животное. «Кто убьетъ одну изъ этихъ собакъ—пастушью, деревенскую, охотничью и обученную (21), того душа, полная страха и болѣзни, идетъ изъ этого нашего (міра) въ міръ надземный (22)... и не можетъ другая душа его душѣ по смерти оказать помощь **), ибо страхъ и ужасъ внушаетъ она и тому міру *** (24) и не помогаютъ ей обѣ собаки, стерегущія мость (Чинпачъ) ****) послѣ смерти, ради страха и ужаса, навводимого ею (25).

Такимъ образомъ, человѣкъ, убившій собаку, по религіи Заратустры, лишится вѣкъъ благовъ будущей жизни: его не допустятъ до жилища праведныхъ дѣвъ собаки, охраняющія мость Чинпачъ, по которому души достигаютъ этого жилища. За заувиѣченіе собаки виновный подвергается на землѣ самымъ страшнымъ наказаніямъ. «Кто нанесетъ рану, говорится въ § 26 того же фарагда, собакамъ, охраняющей скоть, отрѣжетъ ей уши или ноги (27), а къ заго-

*) Spiegel переводитъ: anhänglich an den Menschen (Avesta, die heiligen Schriften der Parsen I 197. См. его же Commentar über das Avesta I, 310; Justi, Handbuch s. v. переводитъ: den Menschen nachlaufend. Цитаты текста приводимъ мы по изданію Шпигеля 1853.

**) Переведено по Justi—см. Wörterbuch s. v. baz.

***) См. Spiegel Commentar z. Avesta I 300.

****) Мы читаемъ срѣна рехна рана, какъ Вестергордъ, а не рѣхрѣна, какъ въ текстѣ Spiegel'a.

имать подойдет поръ или волкъ и увесеть, не будучи замѣченъ, имущество (28), то пусть виновный поплатится за потерю (29), пусть онъ поплатится за раны собаки наказаніемъ *baodhōvarsta* *) (30). То же наказаніе полагается за зауѣченіе собаки, принадлежавшей деревнѣ (31—35). За тѣмъ слѣдуетъ перечисленіе разныхъ видовъ собакъ и наказаніе человѣка, наносившаго имъ раны, сообразуется съ большею или меньшею подлостью собаки.—Человѣкъ становится грѣшникомъ, не только убивая или калѣча собакъ, но и въ томъ случаѣ, если дать имъ плохую пищу. Собака ставится на одну доску съ человѣкомъ: «Создатель! говорить Заритустра Агурамаздъ (§ 55 слѣд.):—кто собакъ, охраняющей скоть, даетъ плохую пищу, какимъ грѣхомъ онъ запятываетъ себя?—На это отиѣчалъ Агурамаздъ: онъ такъ пятнаетъ себя, какъ тотъ, кто предлагалъ бы плохую пищу главѣ знатнаго дома въ этомъ тѣлесномъ мірѣ». Пища собаки, стерегущей добро, говорится далѣе (§ 77 и 78), должна состоять изъ молока, жира и мясныхъ блюдъ. Если собака перестала лаять и оказываетъ признаки биненства, ее слѣдуетъ привязать и сдѣлать безредною (§§ 80—и слѣд.); если же она, по небрежности хозяина, укуситъ кого нибудь, то за рану укусившаго платится хозяинъ собаки наказаніемъ *baodhōvarsta* (§87). Вѣшеную собаку слѣдуетъ лѣчить такъ же тщательно, какъ всякаго праведнаго человѣка, говорится немного далѣе (§ 99), а если она не хочетъ принимать лѣкарства, ей должно давать его насильно, раскрывъ ей ротъ кускомъ дерева (§ 102). Если же она сорвется и бросится въ безпамятствѣ въ цистерну, колодезь, яму или рѣку и при этомъ причинитъ себѣ вредъ, тогда хозяева ея становятся грѣшниками нѣшоталусами (§ 105)**). Въ 15-мъ фарагдѣ говорится (§§ 10—15), что такъ же грѣховенъ становится человѣкъ, если дать собакѣ кости, которыхъ нельзя обглодать, или слишкомъ горячую пищу, и если кости повредятъ собакѣ, застрявъ между зубами или въ горлѣ, и слишкомъ горячая пища обожжетъ ей пасть или языкъ. Въ той же главѣ находимъ рядъ предписаній, какъ слѣдуетъ обращаться со щенятами и ихъ матерью. Если собака никому не принадлежащая расположится гдѣ нибудь со своимъ отродьемъ, ее долженъ содержать тотъ, кто живетъ ближе всѣхъ къ мѣсту, которое она избрала; если она расположилась въ стойлѣ верблюдовъ, ее содержитъ хозяинъ стойла, если въ конюшнѣ, хозяинъ конюшни и т. д. ***).

* *Baodhōvarsta*—наказаніе за сознательный грѣхъ, состоявшее, по позднѣйшимъ свѣдѣніямъ, въ томъ, что осужденный разрывался поделенно на части. Такого ли было и древнее наказаніе—неизвѣстно (см. Justi a. v.)

**) *Feshōtanu-sündhaften Leib habend, kliblicher Sünder. См. Justi a. v.*

***) §§ 60—123.

Эти строгія религиозныя предписанія Зендавесты имѣютъ всё признаки глубокой старины. Они становятся понятны, если мы перенесемъ мыслью въ тотъ ранній періодъ культуры, когда безопасность и благосостояніе человѣка во многомъ зависѣли отъ собаки; когда она помогала ему на охотѣ, стерегла стада отъ волковъ, охраняла жилище отъ разбойника и вора. Религія Зороастри повела въ религиозное предписаніе уваженіе, которымъ пользовалась собака въ народѣ, — уваженіе, которое она приобрѣла полезностью, создаваемою всѣми. Отсюда понятно, что это, всего раніе прирученное, животное должно было занять и видное мѣсто въ мифологіи. Образъ собаки является среди самыхъ первобытныхъ олицетвореній обоготворенныхъ явлений видимой природы. Древніе Индусы, въ ведійскомъ періодѣ, представляли себѣ мѣсяцъ въ видѣ небеснаго пса. Небеснымъ псомъ называется онъ прямо въ Атарва-Ведахъ *). Это олицетвореніе воплотило почитаніе. Младенческая сангана складана придать живая явленія природы и перенести на нихъ свойства людей и животныхъ. Наблюдая молодой мѣсяцъ на небѣ, человѣкъ въ воображеніи называетъ рога его острыми зубами (клыками), а когда явились зубы, явился и песъ. Этотъ небесный песъ принадлежитъ солнечному богу, который отдыхаетъ ночью, поставилъ вѣрнаго пса карулить свое жилище: какъ собака стережетъ ночью жилище хозяина, такъ и мѣсяцъ съ высоты неба наблюдаетъ за сномъ человѣка. Между гимнами Ригъ-Веды находимъ мы одинъ (VII 55), посвященный владыкѣ жилища (vāstōpati). Этотъ владыка жилища представляется небеснымъ псомъ Saramesa (сыновъ собаки Сарамы), и авторъ гимна проситъ его благосклонности. Вотъ въ переводѣ нѣсколько стиховъ этого довольно темнаго гимна:

1. О всеблагій Вастропати, всё образы мѣняющій!
Будь благосклоннымъ другомъ сынъ!
2. Когда, златой Сарамы сынъ,
Показываешь зубы ты,
Тогда клыкалы острые
Въ твоихъ свершаютъ челюстяхъ. Засни!
3. На порѣ лай, Сарамы сынъ!
И ни ядоби янпиди.
Зачѣмъ на Индровыхъ пивцовъ.
На насъ такъ злобно ласнешъ ты? Засни!
4. Терави сплнью и пусть тебѣ **)

*) VI, 80, I. Ср. Sat. Vijnānara 11, 1, 5, 1. и Weber. Naxita, II, 372.

**) Подъ синней (sukta) разумеется, вероятно, сила правдебнаго мѣсяцу. Сила ирши, делавшая его уменьшаться въ объемъ. Во время нарастающаго мѣсяца одолеваетъ сплню, во время убывающаго одолевается ею.

Она терзаетъ въ свой чередъ!

Зачѣмъ на Индролыхъ пѣнцовъ

Ни насъ такъ злобно лезешь ты? Засни!

5. Пусть мать спать, пусть спать отецъ,
Пусть спать хозяинъ, пусть спать пещь;
Пусть крѣпко спать всѣ родичи,—
Пусть спать весь этотъ людъ вокругъ.

6. Тотъ, кто сидитъ, и кто идетъ,
И всякъ, кто ночью видитъ насъ,—
Ихъ очи замыкаемъ мы,
Какъ запрашиваемъ этотъ доиъ!

7. Всѣхъ женъ, что на кроватяхъ спятъ.
Ихъ на носилахъ, на скамьяхъ;
Всѣхъ женъ благоухающихъ
Молитвой усыпляемъ мы.

Этотъ гимнъ по характеру своему напоминаетъ народныя заклинанія Аथарва-Веды и вѣроятно употреблялся какъ заговоръ, чтобы нагнать сонъ.

Мѣсяцъ не только представлялся домашнимъ псомъ, сторожемъ, но и охотничьимъ. Замѣняя на небѣ своего хозяина—солнечнаго бога, онъ бродитъ ночью, отсылая похищенныхъ демономъ мрака свѣтлыхъ коровъ, въ образѣ которыхъ Индусы олицетворяли лучи разсвѣта. Раннимъ утромъ небесная собака Сарамъ отсыпываетъ гору, въ которую демоны мрака загнали коровъ, приноситъ извѣстie объ этомъ богу Индрѣ и онъ поражаетъ и разгоняетъ похитителей. Этотъ мифъ изображается въ Ригъ-Ведѣ (X 108), въ разговорѣ между Сарамой, посланницей Индры, и злыми духами Панисамп.

ПАНИСЫ.

Что ищешь ты, Сарамъ, въ этомъ мѣстѣ?
Вѣдь путь сюда далеко и недоступенъ.
Кто посылалъ тебя? Какимъ путемъ брела ты?
Какъ перешла ты черезъ воды Расы *)?

САРАМА.

Сюда пришла посланницей я Индры,
Ясная взилахъ, Панисамъ, сокровищъ:
Онъ спасъ меня отъ страха переиравы,
И счастливо прошла я воды Расы.

*) Расъ (Кашъ)—мифическая рѣка, подл которой, можетъ быть, надо разумѣть утреннюю росу, такъ какъ дѣйствіе происходитъ раннимъ утромъ.

ПА П С Ы .

Но кто твой Индра и каковъ онъ съ виду,
Чьей вѣстницей пришла ты издалеки?
Пусть онъ придетъ,—его мы примемъ другомъ,
Пусть пастыремъ коровъ онъ нашихъ будетъ.

СА РА МА .

Не знаю я, чтобъ могъ онъ быть осиленъ,
Осилить онъ, чьей вѣстницей пришла я.
Не поглотятъ его глубокіе потоки,
И ны падете подь ударомъ Индры.

ПА П С Ы .

Коровъ тѣхъ, что ты ищешь, дорогая,
Предѣлы неба облетѣвъ, Сарама,—
Кто ихъ захочетъ уступить безъ боя?
Вѣдь и у насъ оружія не тупы!

СА РА МА .

Не ододѣтъ вамъ, Панисы, словами:
Будь выше тѣло и неуязвимо.
И пусть дорога къ вамъ и недоступна,—
Не свяжутся Бригаспати *) надь нами.

ПА П С Ы .

Внутри горы сокровище, Сарама!
Оно полно коровъ, коней, богатства,
Его хранить Панисовъ зоренхъ стражи:—
Наприсно ты пришла къ пустому мѣсту.

СА РА МА .

Придутъ сюда пѣлцы къ нанты Сомой **),
Аяси, Антирсы, Паватвы,
Загоня коровъ между собой раздѣлять:
Въ своихъ рѣчахъ распеются Паппсы.

*) Вибхврати—ладьяны молитвы—божество, являющееся иногда помощникомъ Индры, см. RV. II, 23, 18.

**) Писна древнихъ предковъ, обоготворяемыхъ Индудами.

ПАНИСЫ.

Видь все же ты пришла сюда, Сарам,
Божественнымъ величьемъ покоряясь;
Не уходи, сестрой ты нашей будешь,
И часть коровъ дадимъ тебѣ, благая!

САГАМА.

Не вѣдаю я ни сестеръ, ни братьевъ.—
Ангирасы и Индра это знаютъ;—
Коровъ они хотѣли, какъ пошла я:
Отсюда прочь, Панисы, уходите!

ПЪИЦЪ.

Далеко прочь, Панисы уходите
И пусть коровы выйдутъ чередою!
Бригаспати нашель сокрытыхъ, Сома,
Прессъ каменный и мудрые брахманы *).

Ночь вызвала въ младенческомъ изображеніи представленіе о смерти и загробномъ мірѣ. Лунное божество часто становится въ мифологіи божествомъ смерти, а звѣзды, окружающія его толпами, представляются душами усопшихъ людей. Поэтому и лунный песъ получаетъ загробный характеръ и становится стражемъ міра усопшихъ, какъ греческій Керберъ или эранскія собики, охраняющія мостъ Чивавать. Къ этой роли собаки повели нѣкоторые наблюденія надъ ея привычками: ея вой по ночамъ вводитъ людей на мысли о смерти и считался предсказаніемъ близкой кончины хозяина, или кого пибудь изъ членовъ семьи. Въ томъ же смыслѣ облекалась и привычка собака рыть ямы. Въ мифологіи разныхъ народовъ собака является вѣстницей смерти. Германскія норпы, соответствующія греческимъ царвамъ, сопровождалась собаками **); у Грековъ собака была животнымъ странной Гекаты и приносила ей въ жертву ***); на древнихъ саркофагахъ собака изображалась выжъ вѣстница смерти ****). Египетская лунная богиня Вубастисъ, родственная Индѣ, была сопро-

*) Священный напитокъ Сома, приготовлявшійся изъ *Asclepias acida*, приносился въ жертву Индрѣ и возбуждалъ его къ борьбѣ съ демонами врага; поэтому адъсь огъ является вмѣстѣ съ каменнымъ прессомъ, выжимавшимъ его, поводящимъ Индру.

**) Wolf. Beiträge zur Deutschen Mythologie, II, 195 и Grimm. D. Myth. 381.

***) Creuzer. Symbolik, II, 256 слѣд.

****) Bachofen. Grabersymbolik. p. 113.

пожраема собаками *), а бог Тхоть (Техути), соответствующий греческому Гермесу, въ роли проводника души въ царство тѣней, изображался съ голопою кинокефалъ **). Представленіе объ адскомъ псѣ, извѣстное изъ мифологии греческой и вранской, встрѣчается и у другихъ народовъ. Гуроны (въ Америкѣ) думаютъ, что черезъ рѣку смерти перекинуть стволъ дерева, по которому должны переходить мертвые; собака, охраняющая этотъ стволъ, бросается на души и въкоторыя изъ нихъ падаютъ въ воду ***). Точно также по мифію многихъ народовъ собаки имѣютъ способность видѣть духовъ, невидимыхъ людямъ, и обнаруживаютъ это воемъ.

Въ скандинавской мифологіи богиня смерти Гелл (Hel), обходящая землю, высматривая себѣ жертву, видима для собакъ ****). Римляне думали, что собаки жепскаго пола перлага помета способны видѣть фантомъ ночью и прогнать ихъ ласмъ *****). Въ некоторыхъ мѣстностяхъ Россіи подобныя собаки также слышатъ духовидцами *****). Въ Одиссеѣ (XVI, ст. 160—163) говорится, что Телемакъ не видѣлъ Аяксы, которая стояла подлѣ него, но ее видѣли собаки:

Не всѣхъ намъ боги открыто являютъся, но Одиссей могъ очамъ

Исно увидѣть ее и собачи увидѣли также:

Давти не смѣи онѣ, анизжавъ, со двора побѣжали.

Еврей и мусульмане, говорить Тэйлоръ, услыхавъ вой собакъ, знаютъ, что онѣ увидѣли ангела смерти, вышедшаго на свое страшное дѣло *****). Въ Россіи это свойство приписывается обыкновенно двумъ породамъ собакъ: ярчукъ, у которой во рту волчій зубъ, а подъ шкурой скрыты двѣ амфи-гадюки,—она чувствуетъ чорта и приноситъ въдымамъ неисцѣлимыя раны; во вторыхъ, двоглазкѣ—черношеретной собакѣ, имѣющей надъ глазами два бѣлыя пятна, которыми и усматриваетъ она всякую нечистую силу *****). Любопытно то, что это простонародное русское вѣрованіе въ свойства двооглазки восходитъ къ незапамятной старинѣ и составляетъ общее достояніе индоевропейскихъ народовъ. Полную аналогію русской двооглазкѣ находимъ мы въ четырехглазыхъ цацахъ, упоминаемыхъ въ Ригъ-Ведѣ и Зендавестѣ. Индусскій богъ смерти Яма имѣетъ двухъ четырехглазыхъ

*) Creuzer. Symbolik. II, 576.

**) Hermes Trismegistos, nach aegyptischen und orientalischen Ueberlieferungen, dargestellt von Dr. R. Pletschmann, 1875.

***) См. Тэйлоръ, Первобытная культура, II, 163 рус. перевода.

****) Grimm. Deutsche Mythol. p. 632.

*****) Hartung. Religion der Römer, II, 184.

*****) Аванаскент, Пустыч. Восточникъ, I, 734.

*****) Тэйлоръ, Первобытная культура, II, 234.

*****) Аванаскент, Пустыч. Восточникъ I, с.

псовъ, которыхъ онъ посылаетъ на землю за душами людей. Въ одномъ похоронномъ гимнѣ Ригъ-Веды *), посвященномъ богу Ями, находимъ слѣдующіе стихи, которыми повѣтъ напутствуетъ усопшаго въ царство мертвыхъ:

Прямымъ путемъ бѣги послѣпно явлю
Четырехглазыхъ, пестрыхъ псовъ Сарамы,—
Ступай отсюда къ предвѣмъ благосклоннымъ,
Которые ликуютъ вмѣстѣ съ Ямой.
Тѣмъ псамъ твоимъ, четырехглавымъ стражамъ,
Что стерегутъ людей в пути, о Ями,
Имъ поручи его, о дары и счастье,
И здравіе ему даруй ты щедро.
Съ широкой мордой, взычье до жизни,
По людямъ ходить Ямы два посла,—
Пусть вамъ дозволятъ долго видѣть солнце
Они—и счастье на землѣ даруютъ!

Индусскій комментаторъ говоритъ, что четырехглазка (catrakṣa)—такая собака, у которой надъ каждымъ глазомъ по глазоподобному пятну **); слѣдовательно, четырехглазка—то же, что наша двоеглазка. Изъ приведеннаго стиха еще нельзя вывести, какими свойствами обладаютъ четырехглазые псы Ямы, но одинъ замѣчательный заговоръ народной Аथарви-Веды ***), на нашъ взглядъ, не оставилъ сомнѣній въ томъ, что у Индусовъ было то же представленіе, какъ у Славянъ. Заговоръ обращенъ къ какой-то травѣ, надѣляющей способностью видѣть все сокровенное и открывать колдуновъ: три неба, говорить заклинатель, три земли, шесть странъ свѣта и всѣ существа да увижу я чрезъ тебя, о божественная трава! Тебя вложилъ въ мою десницу тысячекрѣпый богъ и чрезъ тебя я вижу все—и судру и ариѣда. Покажи мнѣ колдуновъ и пѣдаль (yātudhāyā и yātudhāyāh) и вѣхъ бѣсовъ (pitṛachēv). Ты глазъ Касьяпы и четырехглазой собаки (sūnyāṣṭa catrakṣūyāh) и т. д. Касьяпа—божественная личность, по видимому, одно изъ представленій высшаго божества, Праджapati; во множ. числѣ, Касуаръ—духи, стоящіе въ связи съ кругопраціемъ солнца. И такъ, глазъ солнечнаго духа и собаки четырехглазой обладаютъ одинаковою зоркостью, а вѣоть глазъ сравнивается съ травой,

*) Rig-Veda X, 14 гимнъ, части разбираишіей учеными. См. статью Roth о Джемондѣ въ Zeit. der D. Morg. Ges. IV, 426. Bang. Essays on the sacred language etc. of the Parsees, p. 234. M. Müller, Lectures, II, 515. Muir-Original Sanskrit Texts, V, 292, и създ. Geldner und Kāegi—70 Lieder des Rig-veda, p. 146.

**) См. Bohltingk und Roth. Sans. Wörterbuch v. v. gyan.

***) Ath. Veda, IV, 20 издаи. текста Roth'a и Whitney'a, 1856, стр. 63.

дающей способность видѣть злыхъ духовъ. Слѣдательно, ведійскій четырехглазый песъ и въ этомъ свойствѣ тождественъ съ русскимъ.

Поклонники Агурамазды также знали четырехглазую собаку. Въ всемомъ фарагдѣ Велдидада, главной части Зендавесты, упоминается собака байгибаѣта, — четырехглазка, прогоняющая злыхъ духовъ своимъ присутствіемъ. «Творецъ! спрашиваетъ Зиратустра (38):—когда на дороги выносятъ мертвыхъ собакъ и мертвыхъ людей (39), то какъ по этимъ дорогамъ ходить мелкому и крупному скоту, мужамъ и женамъ, огню, сыну Агуримаздову, или баресмъ *), связанному съ чистотою?» (40) Тогда молвилъ Агурамазда: «да не ходить по этимъ дорогамъ ни мелкій, ни крупный скотъ, ни мужи ни жены, ни огонь, сынъ Агурамаздовъ, ни баресма, связанный съ чистотою (41). Собаку желтую, четырехглазую (сралеи заігітеи байгибаѣтеи), или бѣлую желтоухую (42), трижды по этимъ дорогамъ да проедутъ (43). Черезъ прохождение, о святой Зиратустра! собаки желтой четырехглазой, или бѣлой желтоухой (44), эта дружба Индусъ **) убійственъ къ сѣвернымъ странамъ» и т. д.

И такъ, русская двояглазка имѣетъ обширное родство въ Индіи и Эфиопіи и существованіе обвѣи повѣрью на Руси представляется разительный примѣръ стойкости народныхъ вѣровній.

Стараясь выяснитъ мотивъ древняго представленія мѣсяца небеснымъ пескомъ, мы указали на то, что въ рогахъ молодого мѣсяца народное изображеніе имѣло зубы, и затѣмъ къ зубамъ прибавило пса. Что рога мѣсяца считаются зубами, — это не предположеніе, а фактъ, который можетъ быть засвидѣтельствованъ народными повѣрьями. Зубы мѣсяца считали, такъ сказать, образцомъ чистыхъ, крѣпкихъ зубовъ, и обладатель ихъ влкогода не страдаетъ отъ зубной боли. Напротивъ, мѣсяцъ исцѣляетъ зубную боль у людей, выграждаи ихъ такими же крѣпкими зубами. Это вѣрованіе было у Индусовъ, какъ можно догадаться изъ одного стиха Магабхараты, приводимаго въ Петербург. Словарѣ. Индусы употребляли для чистки зубовъ кусочки дерева, которые они грызли: они думали, что грызенье дерева укрѣпляетъ зубы ***). Эти деревянные чурки назывались даніаквѣйна, — зубная чурка. Подъ этимъ словомъ въ Петербург. Словарѣ приводится такой стихъ изъ Магабхараты (13, 6058): кто будетъ грызть зубную чур-

*) Наземанъ называютъ пучекъ вѣтвей финикового, гранатового или тамирисковаго дерева, который связываютъ съ навѣстными обрядами, связываютъ въ вѣнчикъ и держали въ ладони руки во время молитвы.

**) Дружъ Индусъ — демонъ янкового поля, вселяющійся въ тѣло мертвецомъ.

***) Русскіе анахристы свѣтуютъ страдающему зубами грызть рыбину, со словами: «рыбина, рыбина, вытѣши мои зубы, а не вытѣшишь — всю тебя погрызу». Майковъ. Вѣлкорусскій записки стр. 38.

ку въ новолуніе, тотъ неразумецъ *). Стихъ становится понятенъ, если мы вспомнимъ, что въ новолуніе мѣсяца нѣтъ на небѣ и, слѣдствительно, онъ не можетъ содѣйствовать укрѣпленію зубовъ, хотя бы человѣкъ и грызъ дантаканиту. Ясное свидѣтельство о зубахъ мѣсяца и связи его съ зубами людей паходнымъ въ русскихъ заговорахъ отъ зубной боли. Въ большинствѣ изъ нихъ больной обращается къ мѣсяцу съ просьбой—избавить его отъ гнилаго зуба. Приведемъ нѣкоторые, болѣе интересные:

А когда увидишь молодой мѣсяць (говорится въ одномъ рукописномъ лѣчебникѣ Румянцевск. музея, № 696 листъ 104), п ты съ того мѣсяца (лѣбета?) не ходи, и смотри на мѣсяць и говори трижды: младя еси мѣсяць, болѣтъ ли у тебѣ зубы? И у млада мѣсяца зубы не болятъ: такъ бы у меня раба Божія (шмарекъ) зубы не болѣли отъ млада до млада, на ветхій и ущербъ.

Что зубами мѣсяца называются его рога, видно изъ слѣдующаго малорусскаго заговора: молодикъ, молодикъ! Въ тебе роги золоты: твоимъ рогамъ не стоять, моимъ зубамъ не болѣть **). Мѣсяць можетъ дать человѣку крѣпкіе зубы: «пришелъ старый мѣсяць къ новому и говоритъ: возьми у раба Божія (шмарекъ) рѣпной зубъ, а дай ему востяной.» Таковъ заговоръ произносимый въ Воронежской губерніи во время новолунія, при чемъ страдающей зубами прижимаетъ больной зубъ указательнымъ пальцемъ ***). Обыкновенно обращаются къ молодому мѣсяцу съ подобной просьбой, и это понятно, потому что у молодого только есть зубы (рога), а не у старого. Иногда высказывается пожеланіе, чтобы не болѣли зубы, какъ не болятъ они у мертвеца, причемъ все-таки обращаются къ мѣсяцу. Такъ въ Подольской губерніи записанъ слѣдующій заговоръ: «Мѣсяцу новый, птайся старого, чи болятъ зубы у умерлаго. Не болѣтъ. Питай же и мене не болятъ, хрещенаго, пороженаго ****). Масса подобныхъ заговоровъ къ мѣсяцу, записанныхъ въ разныхъ мѣстахъ Россіи, свидѣтельствуетъ о томъ, что вѣрованіе въ связь мѣсяца съ зубами восходитъ къ глубокой старинѣ и вѣроятно составляло достоиніе всѣхъ индо-европейскихъ народовъ.

Въ вышеприведенныхъ народныхъ повѣрьяхъ собака приводится въ связь съ загробнымъ міромъ. Къ этой категоріи мненческихъ собакъ относятся индусская Сирама и пемъ бога Ямы, греч. Керберъ,

*) *Dantakāṭṭham tu yaḥ kṛṇēd amāyasyām abiddhaman.*

***) Есенинко, Сборникъ малороссійскихъ заклинаній. Чтен. ин. Общ. Ист. и Др. 1874, отдѣльн. оттиска стр. 6.

****) Майковъ, — Волковурскій заклинаніи, 1860, стр. 38.

*****) Сельские чары и заговоры по Подольскій губ. М. В. стр. 3.

египетскій песьеголовый Тхоть и др. Къ такимъ представленіямъ о собакахъ повело, какъ мы предположили, наблюденіе надъ ея привычками—рыть ямы и выть по ночамъ. Но собака, преслѣдующая для человека дичь на охотѣ, славилась своимъ быстрымъ бѣгомъ. Человѣкъ уже рано пользовался этимъ свойствомъ ея и старался его развивать. Индоевропейскія названія собаки—санскр. *сван*, греч. *κίον*, лат. *canis* и т. д.—сводятся къ глагольному корню, выражающему быстроту, такъ что *сван* значить собственно «быстрый». Отсюда естественно, что собака является въ мифологіи олицетвореніемъ быстрого явленія природы, именно вѣтра. Эту роль она играетъ преимущественно въ германской мифологіи. Въ норвежской загадкѣ, вѣтеръ изображается подъ видомъ собаки: «Отгадай, что это такое: стоитъ собака на стеклянной горѣ и шепчетъ на море». Разгадка: вѣтеръ *). Нѣмецкіе мифологи видятъ въ собакахъ Дикаго Охотника (*Hackelberg'a*, *Wuodal'a*) олицетвореніе вихрей, сопровождающихъ бурю. Подобно тому, какъ сильный вѣтеръ убажываетъ, выставляя ему вѣшюкъ съ мукою, такъ въ некоторыхъ мѣстностяхъ Германіи приносятъ тотъ же кормъ собакамъ Дикаго Охотника **). По одному дитмарскому преданію, Дикій Охотникъ обреченъ проклятіемъ вѣчно охотиться, а его жена и дѣти обратились въ собакъ ***). Подобное же преданіе разсказывается о женскомъ типѣ Дикаго Охотника—*Frän Göde* (*Gauden*, *Berhta*). У ней было 24 дочери, которыя такъ же страстно любили охоту, какъ она сама. Однажды, гоняясь за дичью, онѣ, въ восторгѣ отъ удачной охоты, промолвили: охота лучше царствія небеснаго! Вдругъ дочери обратились въ собакъ, а мать вѣчно должна носиться въ воздухѣ, преслѣдуя съ ними дичь ****). Въ Помераніи собаки Вода (Дикаго Охотника) считаются душами самоубійць, или людей, продавшихся чорту *****). Иногда отъ своры Дикаго Охотника отстаютъ собаки, обыкновенно чернаго цвѣта, и заблудятъ въ крестьянскую избу. Это бываетъ на святкахъ, когда всего чаще суетливый народъ видитъ по ночамъ дикую охоту. Собака скукаетъ, не признаетъ людей, цѣлый день лежитъ у очага и ѣсть одну золу; затѣмъ—вдругъ исчезаетъ съ радостнымъ лаемъ, когда случайно пронесется надъ избою снова дикая охота. Въ Чехіи одинъ охотникъ случайно видѣлъ въ лѣсу, во время грозы, Дикаго Охотника съ его собакой, которая лаемъ заглушала раскаты грома *****)). Тамъ же въ

*) *Mannhardt-German. Mythen*, 1858, стр. 217.

**) *Kuhn-Novidd. Sagen*, p. 70.

**) *Mannhardt*, о. с. p. 300.

****) *Ibid.* p. 300.

*****) *Ibid.* p. 301.

*****) *Grahamm—Sagenbuch von Böhmen u. Mähren* 82.

селении Коаидирекъ одна вдова, возвратившись домой съ поля, нашла на порогѣ своей хижинѣ большую сѣрую собаку съ черными пятнами, съ блестящими глазами и высунутымъ языкомъ. Женщина гнала собаку, но та не трогалась съ мѣста и осталась до утра. Утромъ вдова бросила ей кусокъ хлѣба, но собака обнюхала его и не тронула. Случайно на полъ просыпалась зола—и собака стала подбирать ее съ жадностью. Видя это, женщина поставила собакѣ цѣлый чугунъ золы, и собака, съѣвъ все, три раза прыгнула предъ очагомъ и убѣжала. Кусокъ хлѣба, брошенный собакѣ, обратился въ чистое золото *).

Преданіе о богачѣхъ, сопровождаемыхъ собаками, принадлежитъ къ кореннымъ индоевропейскимъ вѣроваціямъ, которыя можно прослѣдить по мѣтологіи Индусовъ, Германцевъ и Славянъ. Съ принятіемъ христіанства, какъ навѣтно, на христіанскихъ святыхъ наслоились въ народѣ черты прежнихъ боговъ, а вмѣстѣ съ этими чертами явилась и спутница прежнихъ боговъ—собака. Какъ германскій Воданъ-Гакельберъ, или Дикій Охотникъ, имѣетъ вѣщую собаку, такъ народное преданіе, сохранившееся только въ намекахъ, приписываетъ такую собаку св. Петру **). Собака сопровождаетъ также св. Роха, который призывается для изгнанія чумы. Собака придала ему потому, что вѣщеть свойство видѣть чуму издалека. Простой народъ въ Польшѣ рассказываетъ, что собака бросается на чуму, стараясь ее схватить, а чума дразнитъ ее, выставляетъ ей ногу и кричитъ: куси, куси ногу ***)! Какъ Frau Gode (Frau Harke)—одно изъ имей богини Фрнкія (Frñ Frick)—идетъ въ сопровожденіи собаки, такъ и за Св. Дѣвой Маріей, которой народное суевѣріе придало черты древней богини, слѣдуетъ бѣлая собачка ****). На одномъ кладбищѣ въ Баденѣ, рассказываетъ мѣстное преданіе, собака вырыла лапами колодезь, въ которомъ нашпи деревянную статую Богоматери. На этомъ мѣстѣ построили часовню, въ которую помѣстили статую, и часовня съ колодеземъ была названа Mariabrunn *****). Подобнымъ же наслоеніемъ языческихъ преданій на христіанскія личности объясняется изображеніе св. мученика Христофора на древнѣйшихъ иконахъ. Какъ навѣтно, его писали съ пещей головою, по поводу чего св. Дмитрій Ростовскій въ Ромыскѣ (II, 24 гл.) говоритъ: «неразсудни иконописцы обыкоша нелѣпая писати, якоже св. мученика Христофора съ пещію главою, а свв. мученикъ Флора и Лавра съ лошадыми, яже суть пе-

*) Ibid. p. 236.

***) См. объ этомъ Wolfa Beiträge z. II. Myth. II, 414.

****) Woynicki 58.

*****) Wolf—Beiträge II. 414.

*****) Ibid. 415.

былица». Древній толковой подлинникъ гр. Строгонова даетъ такое предписание о св. Христофорѣ: «глава песія, во бровѣхъ, крестъ въ рукѣхъ, а въ другой мечъ въ ножнахъ; исподъ празедень *). Не входя въ подробности, замѣтимъ, что «сія не лѣвая и правая перазсудныхъ иконописцевъ» объясняется тѣмъ, что св. Христофору придали черты древняго бога Громовника. Мы видѣли, что индусскій Индра, германскій Вуотанъ имѣють въ видѣхъ собакъ: на св. Христофора, какъ доказали нѣмецкіе ученые **), пародъ на западъ перенесъ свойства древняго громовника Тора. Впрочемъ, подобный миеологическій процессъ былъ и у насъ, только съ тою особенностью, что спутница бога, собака, сдѣлалась съ инымъ богомъ въ одинъ образъ песьего ловаца. По крайней мѣрѣ, другаго объясненія мы не знаемъ.

Подъ влияніемъ христіанства, воззрѣнія народныя на собаку должны были существенно измѣниться. Пржеііе языческіе боги обрабаются въ злыхъ духовъ, демоновъ, свѣтлый Одинъ сталъ дикимъ охотникомъ, подземный богъ Плутонъ принялъ характеръ престопаоднаго чорта, граціозныя водяныя нимфы стали въдьмамъ. Собака и въ языческомъ періодѣ стояла близко къ загробному міру; понятно, что вмѣстѣ съ распространеніемъ христіанскихъ идей она должна была получить еще болѣе мрачный характеръ. Въ видѣ пса, обыкновенно чернаго, является нечистая сила на собакахъ людей; въ такомъ видѣ являлся дѣволъ св. Феодосію, какъ повѣствуетъ житіе, и когда святой «носотѣ ударити его—и се увидимъ бысть». Нельзя не вспомнить при этомъ и о черножъ суделѣ средневѣковаго Фауста.

Нашъ народъ не высоко ставитъ собаку: собака, по его мнѣнію, животное нечистое и проклятое Богомъ; свою шкуру получила она отъ дѣвола за имѣну. Господъ Богъ, рассказываетъ въ народѣ, поставилъ собаку голую карулить Ноя праведнаго и не велѣлъ ей ничего пускать смотрѣтъ Ноя праведнаго. Приходитъ дѣволъ и говоритъ: пусти меня, собака, Ноя праведнаго посмотрѣтъ. «Мнѣ Господъ не велѣлъ никого пускать». Я тебѣ дамъ шубу на руки и на ноги: придетъ зима—не надо тебѣ избы.—Далъ дѣволъ собацѣ шубу и пустида она его въ Рай. Узнавъ это, Господъ проклялъ собаку: «чтобъ ты церковный звонъ не слыхала, въ Вожій храмъ не ходила» ***).

Этимъ мы окончимъ очеркъ значенія собаки въ миеологіи. Мы хотѣли только намѣтить главныя черты, потому что исчерпать всего вопроса нѣтъ возможности въ небольшой статьѣ: этотъ вопросъ го-

*) См. Бузалева Историч. Очерки, II, 418.

**) См. Wolf, о. с. I, 98. Zeit. f. D. Mythol., ст. Mannhardt's, II, 320; III, 118.

***) Афанасьевъ, Народн. русск. легенды, стр. 40.

раздо шире, нежели кажется сначала. Не говоря уже о множестве народных сказокъ, въ которыхъ собака играетъ не маловажную роль, — сказокъ важныхъ для мифологии и древней культуры, — собака получила значеніе въ астрономіи: уже въ незапамятныя времена, подобно многимъ древнимъ божествамъ, помѣщена она на звѣздное небо, въ созвѣздія Большаго и Малаго Пса, которыя занимаютъ на небѣ столь же видное мѣсто, какъ и въ народныхъ вѣрованіяхъ. Труднаго и темнаго вопроса объ этихъ звѣздныхъ псахъ мы вовсе не коснулись въ нашей замѣткѣ, предоставляя себѣ остановиться на немъ впоследствии.

